

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 2. С. 121–145.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 2. P. 121–145.

Научная статья / Original article

УДК 821.161.1

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-2-121-145

ВЕСЕЛАЯ НАУКА: ФИЛОСОФИЯ И НАБОКОВ



Виктория Львовна Шохина

Высшая школа (факультет) телевидения
Московского государственного университета
им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия,
chokhina1@yandex.ru



Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка определить отношения Владимира Набокова с философией. Философом его назвать нельзя, но определенные философские идеи ему были интересны, и этот интерес так или иначе отражался в его произведениях. В чем-то созвучными Набокову оказались такие философы, как Гегель, Кант, Паскаль и Бергсон. Также в его творчестве можно увидеть совпадения с мыслями Тютчева и Достоевского. Автор выявляет проблемы, которые более всего занимали Набокова — проблемы сознания, Времени, смерти, потусторонности, истины, сопряженной со смертью и безумием. К собственным философским новациям Набокова можно отнести *космическую синхронизацию* и *теорию мимикрии*. Особая тема статьи — образы философов в произведениях Набокова: это и выдуманные герои (Пьер Делаланд, Адам Круг, Ван Вин), и реальные (Чернышевский). А также многочисленные философствующие персонажи. И главное, что нужно сказать об от-

ношении Набокова к философии, это то, что философия для него прежде всего — *веселая наука* (если воспользоваться выражением Ницше).



Ключевые слова: Набоков, философия, сознание, потусторонность, смерть, безумие, Истина, Время, космическая синхронизация, теория мимикрии, философы как персонажи, веселая наука



Ссылка для цитирования: Шохина В. Л. Веселая наука: философия и Набоков // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 2. С. 121–145. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2022-5-2-121-145>.

Literature. Philosophy. Religion

GAY SCIENCE: PHILOSOPHY AND NABOKOV

Victoria L. Shokhina

High School (faculty) of Television,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia, chokhina1@yandex.ru



Abstract. This article attempts to analyze Vladimir Nabokov's relationships with philosophy. He can hardly be called a philosopher although he was attracted by certain philosophical ideas, and this found its reflection in his works in one way or another. Nabokov's world view was to a degree consonant with the teachings of such philosophers as Hegel, Kant, Pascal and Bergson. Besides, his works demonstrate his closeness to some ideas of Tyutchev and Dostoevsky. The author centres on the issues that occupied Nabokov most of all — the issues of consciousness, Time, death, otherworld and Truth mixed with the presence of death and madness. The *cosmic synchronization* and the *theory of mimicry* are mentioned here as Nabokov's own philosophical innovations. The author devotes special attention to the images of philosophers in Nabokov's writings: these are both fictional characters (Pierre Delaland, Adam Krug, Van Veen) and real ones (Chernyshevsky). Also, there are numerous characters inclined to philosophizing. And the main thing to say about Nabokov's attitude to philosophy is that for him philosophy was primarily a *Gay Science* (to use Nietzsche's expression).



Keywords: Nabokov, philosophy, consciousness, otherworld, death, madness, Truth, Time, cosmic synchronization, mimicry theory, philosophers as characters, Gay Science

For citation: Shokhina, V.L. (2022) ‘Gay Science: Philosophy and Nabokov’, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 5(2), pp. 121–145. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2022-5-2-121-145.

У Владимира Набокова ищут — и находят! — следы разных философов и разных философских направлений и школ. То его относят к неоплатоникам и гностикам [Джонсон, 2011; Foster, 1974], то выводят из Ницше [Ливри, 2005; Rodgers, 2018], то сравнивают с Хайдеггером и Витгенштейном [Ляпушкина, 2016] (в последнем, впрочем, есть смысл: Набоков Витгенштейна не знал, но в чем-то с ним совпадал). А то вписывают в экзистенциализм, о котором он отзывался не иначе как о *философии кафе*.

Всё это потому, что ткань прозы Набокова насыщена смыслами и оттенками смыслов, уходящих вглубь, а слово его отзывчиво. Из его сочинений можно вычитать много чего. Впрочем, еще больше в них можно вчитать¹.

* * *

Притом говорить о *философии Набокова* вряд ли возможно — он не был философом в строгом смысле слова. Да и в нестрогом тоже! К философии он относился, как пчела к цветам, с которых она собирает нектар.

Но можно назвать, по крайней мере, четырех философов, которые повлияли на Набокова, точнее — оказались в чем-то ему созвучными. Это Гегель, Бергсон — в симпатии к их идеям он, в той или иной форме, признавался, — и Кант, о котором он высказывался в шуточной форме, но тем не менее... Особый случай — Блез Паскаль, ему Набоков придумал родственника в лице французского мыслителя Пьера Делаланда.

Гегелем Набоков увлекся, еще учась в Тенишевском училище.

¹ Два ярких примера: А. С. Артамонова увидела сходство идеи романа «Лолита» с трактовкой сюжета грехопадения у Льва Шестова [Артамонова, 2007]. С. Давыдов, восприняв в английском переводе «Приглашения на казнь» (в исполнении Дм. Набокова при участии В. Набокова) “gnostical turpitude” («гносеологическое преступление») как «гностическое преступление», построил целую теорию о гностицизме Набокова [Давыдов, 1982]. Однако в обоих случаях ничто не свидетельствует о знакомстве писателя с этими идеями, тем более — о каком-то его интересе к ним.



В. Набоков в Берлине. 1925

V. Nabokov in Berlin. 1925

«<...> я придумал, что бывшая столь популярной в России гегелевская триада, в сущности, выражает всего лишь природную спиральность вещей в отношении ко времени. Завои следуют один за другим, и каждый синтез представляет собой тезис следующей тройственной серии», — рассказывает он в «Других берегах» (1954) [Набоков (В. Сиринъ), 2002–2009, т. 5, с. 312].

В 1920–1930-е годы, когда «время было в моде», Набоков заинтересовался Бергсоном, с его теорией времени и «эмоционально-интуитивной» гносеологией, и Прустом, чьи произведения он потом назовет «иллюстрированным изданием учения Бергсона». Интерес к Канту возник, скорее всего, благодаря высоко ценимому им роману Андрея Белого «Петербург» (1913; 1922). Да и другим авторам Серебряного века, оттачивающим

на Канте свои перья то так, то эдак. (И, возможно, благодаря дружбе с философом-неокантианцем Сергеем Гессеном.)

А если мы посмотрим ткань его сочинений на свет, то увидим контуры мыслей Достоевского, которого он почти ненавидел, и (реже) Толстого, которого обожал. И еще важный момент: ко многим мыслям/тезам Набокова находится «рифма» у Тютчева, его он назвал в стихах так: «ключ, струящийся во мгле» [Набоков, 2002, с. 67].

Сказанное не означает, что Набоков во всем с этими мыслителями соглашался. Философские идеи он воспринимал, во-первых, выборочно, во-вторых, — не столько рационально, сколько чувственно и интуитивно² (так же, как воспринимал буквы, слова, язык).

И конечно, ему импонировало бергсоновское предпочтение интуиции (проникающей в «интимную сущность вещей») интеллекту (создающему общие/отвлеченные понятия), особенно нравилась бескорыстная «эстетическая

² Впрочем, Набоков и не особо оригинален в этом. Как отмечает Владимир Кантор: «Писатель формулирует “чувствуемую мысль” (Маяковский). Это идет от слов Кириллова из “Бесов”, что мысль надо чувствовать. Такова была позиция и самого Достоевского, создателя “идеологического романа” (Б. Энгельгардт). Я бы сказал, что большая литература и есть, в сущности, “чувствуемая мысль”» [Кантор, 2017, с. 9].



В. Набоков в горах Швейцарии. 1962

V. Nabokov in the mountains of Switzerland. 1962

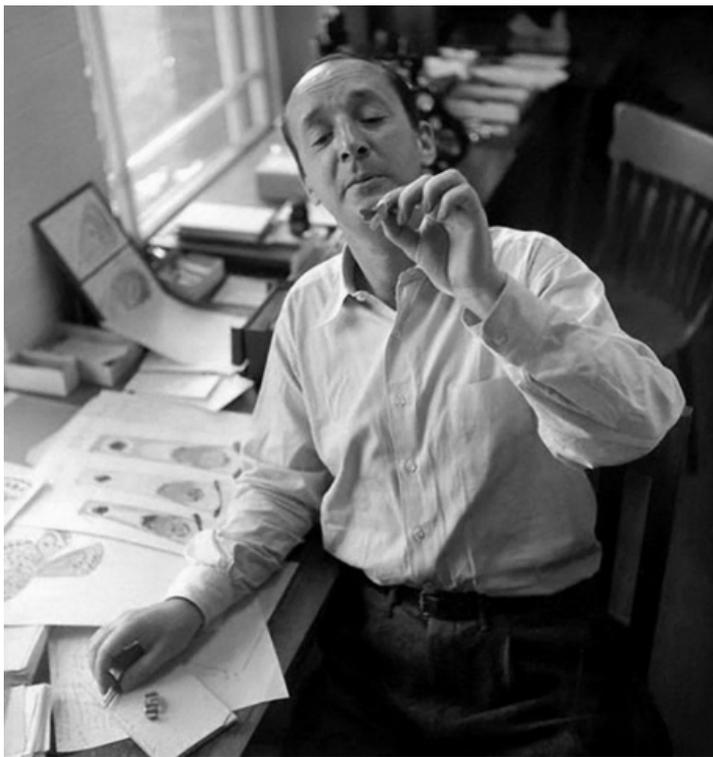
интуиция», на которую философ делал серьезную ставку. Характерно, кстати, что Бергсона Набоков числил в одном ряду с любимыми поэтами и прозаиками, то есть относился к философу как к художнику слова (к тому же, Бергсон получил в 1927 году Нобелевскую премию по литературе, прежде всего как автор книги «Творческая эволюция», ее Набоков читал и почитал).

Набокова восхищает диалектика Гегеля, его «живительная истина», «как кровь, струящаяся в самом процессе познания» [Набоков (В. Сиринь), 2002–2009, т. 4, с. 422]. Гегелевской триадой он меряет всё, включая свою жизнь. По тропам, проложенным Кантом и Бергсоном, пускается в исследование Времени и Пространства. Для него это тоже разные формы

бытия/инобытия, и он отделяет их друг от друга. Время — внутреннее, творческое бытие и инобытие, «сквозняк из другого измерения». Пространство — бытие внешнее, механистичное. Почти как у Канта, считавшего *время* формой внутренней чувственности, а *пространство* — формой внешней чувственности. Или как у Бергсона, который не только отделял время от пространства, но еще выделял «научное время» и «чистое время» («длительность», или «время сознания»). В сущности же, по Достоевскому, записавшему как-то: «Время не существует; время есть цифры, время есть: отношение бытия к небытию» [Достоевский, 1972–1990, т. 7, с. 167].

У Паскаля Набокову нравится представление о жизни человека как о некоем промежутке между извлечением из небытия и поглощением бесконечностью. И еще — идея о «бесконечном множестве миров, у каждого из которых есть свой небосвод, свои планеты, своя земля, на этой земле свои живые существа, и наконец свои муравьи <...>» [Паскаль, 1995, с. 133].

Философским изобретением Набокова можно, пожалуй, считать его *теорию мимикрии*, бросающую вызов теории естественного отбора. В отличие от Дарвина, Набоков объясняет мимикрию не борьбой за существование —



В. Набоков за рабочим столом в Гарвардском музее естественной истории

V. Nabokov at his desk at the Harvard Museum of Natural History

не тем, что насекомое, маскируясь, спасается от врага, — а бескорыстной игрой природы. Ибо мимикрия бывает «подчас доведена до такой точки художественной изощренности, которая находится далеко за пределами того, что способен оценить мозг гипотетического врага — птицы, что ли, или ящерицы: обманывать, значит, некого, кроме разве начинающего натуралиста». Мимикрию, это нечто «сложное и «бесполезное»» в природе, он приравнивает к другому «восхитительному обману» — к искусству [Набоков (В. Сиринъ), 2002–2009, т. 5, с. 224–225].

Набоков уверен: природа, «наша осмысленная сообщница

и остроумная мать», добивается «веселого впечатления очаровательной иррациональности» [Набоков, 2001].

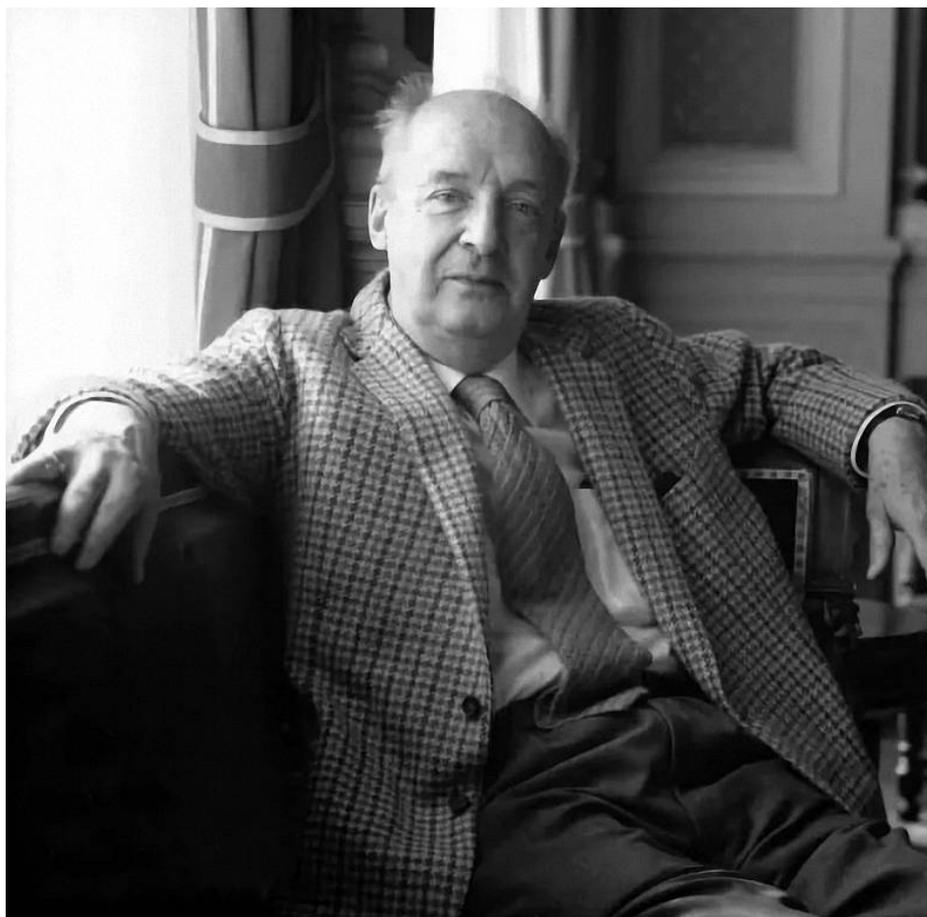
Прямо по Тютчеву:

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

[Тютчев, 2002–2005, т. 1, с. 169]

И вместе с Тютчевым — против «равнодушной природы» Пушкина (««Равнодушная природа» — какой вздор! Сплошное чурание, вот это вернее», — говорит герой «Ultima Thule», 1942) [Набоков (В. Сиринъ), 2002–2009, т. 5, с. 114]. А также в полном согласии с Бергсоном, верившим в бескорыстное творческое начало живых организмов, которое и управляет эволюцией.

Другая новация Набокова — *космическая синхронизация* (отчасти напоминающая «одновременность» Бергсона). Персонажи писателя объясняют ее на



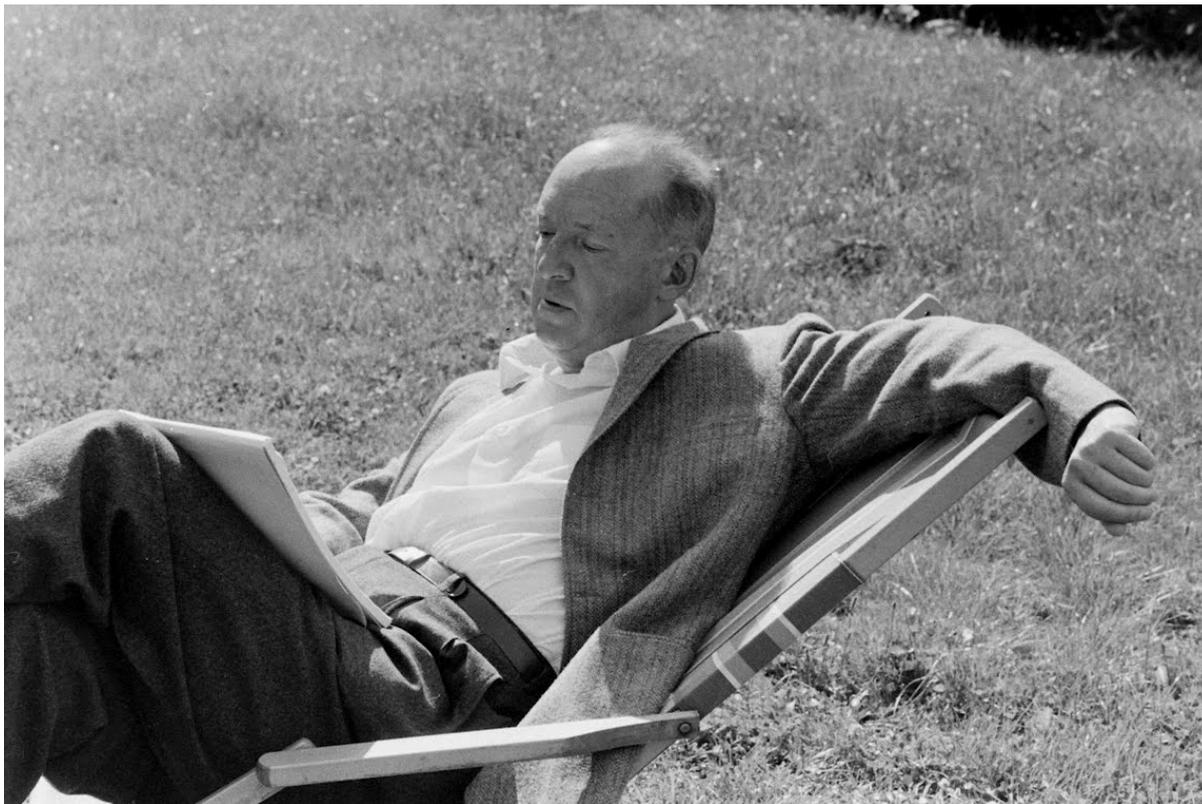
В. Набоков в своем номере в Montreux Palace Hotel. Швейцария. 1964

V. Nabokov in his room at the Montreux Palace Hotel. Switzerland. 1964

разный лад. Федор Годунов-Чердынцев в «Даре» (1937–1938) называет *«многопланностью мышления»* [там же, т. 4, с. 344]. «<...> Не только мои глаза другие, и слух, и вкус, — не только обоняние, как у оленя, а осязание, как у нетопыря, — но главное: дар сочетать все это в одной точке...», — говорит Цинциннат Ц. в «Приглашении на казнь» (1935–1936) [там же, с. 74]. Когда «все веки, двери и створки сознания» открываются «сразу и во всякое время суток», — добавляет Себастьян Найт («Подлинная жизнь Себастьяна Найта», 1941) [Набоков, 2004–2008, т. 1, с. 79].

На практике же, в стихах, записанных в «Даре» прозой, так: «Наш час настал. Собаки и калеки одни не спят. Ночь летняя легка. Автомобиль, проехавший, навеки последнего увез ростовщика. Близ фонаря, с оттенком маскарада, лист жилками зелеными сквозит. У тех ворот — кривая тень Багдада, а та звезда над Пулковом висит» [Набоков (В. Сиринь), 2002–2009, т. 4, с. 337].

Несколько строже суть «космической синхронизации» излагает Vivian Bloodmark, философствующий персонаж последней версии автобиографии писателя «Память, говори» (Speak, Memory, 1966): «<...> если ученый видит все,



В. Набоков в университетском городке Итака (штат Нью-Йорк). 1958

V. Nabokov at the University town of Ithaca (New York state). 1958

что происходит в одной точке пространства, то поэт чувствует все, происходящее в одной точке времени» [Набоков, 2004–2008, т. 5, с. 502].

Еще раз обратим внимание на слово «чувствует», оно, по Набокову, определяющее в процессе познания. С чувственным восприятием связано воображение — это «дивное наслаждение бессмертных и юных» [там же, с. 325]. И самое важное для него, натуралиста и одновременно метафизика, — это та точка, «где переходят одно в другое воображение и знание» [Набоков (В. Сиринь), 2002–2009, т. 5, с. 256], где сопрягаются «смутные сны с научной точностью памяти» [Набоков, 2004–2008, т. 1, с. 254], — точка искусства, находящаяся в сознании.

Набоков знает: сознание первично, материя — вторична. Более того, сознание — это «единственная реальность мира и величайшее его таинство» [там же, с. 354]. Выстраивая иерархию сознания, писатель чеканно формулирует: «Время без сознания — мир низших животных; время с сознанием — человек; сознание без времени — некое более высокое состояние» [Набоков, 1973, с. 23]. (Интересно, кстати, имел ли он при этом в виду, что «более высокое состояние» — это, согласно Откровению Иоанна Богослова, Конец Света, когда времени уже не будет?)

Мироздание Набоков представляет как Вселенную, объятую сознанием (*the universe embraced by consciousness*) [Набоков, 2004–2008, т. 5, с. 502]. Сознание без/вне времени безгранично и напоминает мировое объективное сознание, или Абсолютную идею (Мировой дух, Мировой разум) Гегеля. Называет Набоков его по-разному: *вечность, бездна, ничто*.

В этой вечности (в бездне, в ничто) обретаются чистые сущности всех вещей, нечто вроде эйдосов Платона. «<...> не написанная еще книга как бы существует в некоем идеальном измерении, то просту-

пая из него, то затуманиваясь, и моя задача состоит в том, чтобы всё, что мне в ней удастся рассмотреть, с максимальной точностью перенести на бумагу» [Набоков, 1973, с. 44]. Таким образом, для него сущность предшествует существованию, опять же вопреки Сартру (и экзистенциализму), утверждавшему: «Существование предшествует сущности».

Мир, который мы принимаем за реальный, есть лишь бледный отсвет некоего прекрасного, идеального мира, а то и карикатура на него. Приговоренный к смерти Цинциннат верит и надеется: «<...> должен же существовать образец, если существует корявая копия. <...> там на воле гуляют умученные тут чудачки; там время складывается по желанию, как узорчатый ковер <...>. Там, там — оригинал тех садов, где мы тут бродили, скрывались; <...> там сияет то зеркало, от которого иной раз сюда перескочит зайчик <...>» [Набоков (В. Сиринъ), 2002–2009, т. 4, с. 101–102]. *Подлинником* называет тот мир и Федор Годунов-Чердынцев.

Так возникает тема двоемирия, или потусторонности, настойчиво звучащая у Набокова. Она связана и с романтизмом XIX века, когда «тупое “тут”» противопоставлялось прекрасному «там», и с русским символизмом, где «всё видимое нами — только отблеск, только тени, от незримого очами» [Соловьев, 1974, с. 93]³. (И, возможно, со словами из Второго послания Коринфянам апостола Павла: «видимое временно, а невидимое вечно».)



Шарж Дэвида Ливайна на В. Набокова
David Levine's Jarge on V. Nabokov

³ См. об этом [Александров, 1999; Джонсон, 2011].

Лучшим эпиграфом к этой мерцающей теме могут служить опять же строки Тютчева:

О вещая душа моя!
О, сердце, полное тревоги, —
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..

[Тютчев, 2002–2005, т. 2, с. 75]

Как бы двойное бытие — это земное бытие (то, что мы условно называем жизнью) и бытие в вечности, по обе стороны земного бытия — до рождения и после смерти. Вот знаменитое начало «Других берегов» (1954):

Колыбель качается над бездной <...> здравый смысл говорит нам, что жизнь — только щель слабого света между двумя идеально черными вечностями. Разницы в их черноте нет никакой, но в бездну преджизненную нам свойственно вглядываться с меньшим смятением, чем в ту, к которой летим со скоростью четырех тысяч пятисот ударов сердца в час.

[Набоков (В. Сиринъ), 2002–2009, т. 5, с. 145]

* * *

Сам Набоков без особого смятения, отважно вглядывался не только в бездну *преджизненную*, но и в ту, в которую летел, — в смерть. Его отношения к смерти и со смертью особые. Очень похожие на буддистские или даосские, но принятые, кажется, из рук Льва Толстого. Так, в «Гекзаметрах» (1923), посвященных годовщине гибели отца, он представляет жизнь как сон, смерть — как пробуждение:

Смерть — это утренний луч, пробуждение весеннее. Верю,
ты, погруженный в могилу, ты, пробужденный, свободный,
ходишь, сияя незримо, здесь, между нами —

до срока спящими...

О, наклонись надо мной, сон мой подслушай — ...

[Набоков, 2002, с. 262]

Ср.: в «Войне и мире» умирающий Андрей Болконский осознает: «“Да, это была смерть. Я умер — я проснулся. Да, смерть — пробуждение”, вдруг просветлело в его душе, и завеса, скрывавшая до сих пор неведомое, была приподнята

перед его душевным взором. Он почувствовал как бы освобождение прежде связанной в нем силы и ту странную легкость, которая с тех пор не оставляла его» [Толстой, 1940, с. 64].

Трагический оптимизм в отношении к смерти и в этом римейке максимы Декарта: «умираю, следовательно существую» в романе «Ада, или Радости страсти» (1969) [Набоков, 2004–2008, т. 4, с. 151].

«<...> смерть сама по себе никак не связана с внежизненной областью, ибо дверь есть лишь выход из дома, а не часть его окрестности, какой является дерево или холм. Выйти как-нибудь нужно, “но я отказываюсь видеть в двери больше, чем дыру, да то, что сделали столяр и плотник”», — так, несколько витиевато, Федор Годунов-Чердынцев и Пьер Делаланд (в «Даре») объясняют, почему они не придают смерти особого значения⁴ [Набоков (В. Сирин), 2002–2009, т. 4, с. 484].

Заглядывая в «окна, открытые в смежный мир», Набоков разыгрывает и тему возможной встречи с тем, кто ушел, тему проницаемости границ между тем и этим светом. Иногда в шутку, как в ранней драме «Смерть» (1923), но на самом деле для него это очень серьезно. В третью годовщину гибели отца он пишет матери: «<...> мы еще увидим его, — в неожиданном, но совсем естественном раю, в стране, где все — сиянье и все — прелесть. Он войдет к нам, в нашу общую свежую вечность, слегка подняв плечи, как бывало <...>» [цит. по: Бойд, 2010, с. 281]. То же в поэме «Вечер на пустыре» (1932):

И человек навстречу мне сквозь сумерки
идет, зовет. Я узнаю
походку бодрую твою.

Не изменился ты с тех пор, как умер.

[Набоков, 2002, с. 201]

⁴ Особое отношение Набокова к смерти чутко уловил Георгий Адамович: «<...> Сирин все ближе и ближе подходит к теме действительно ужасной: к смерти... Без возмущения, протеста и содрогания, как у Толстого, без декоративно-сладостных безнадежных мечтаний, как у Тургенева в “Кларе Милич”, а с непонятным и невероятным ощущением “рыбы в воде”... Тема смерти была темой многих великих и величайших поэтов, но были эти поэты великими только потому, что стремились к ее преодолению или хотя бы бились головой о стену, ища освобождения и выхода. Тут же перед нами расстилается мертвый мир, где холод и безразличие проникли уже так глубоко, что оживление едва ли возможно. Будто пейзаж на луне. И тот, кто нас туда приглашает, не только сохраняет полное спокойствие, но и расточает все чары своего необыкновенного дарования, чтобы переход совершился безболезненно» [Адамович, 1936, с. 3. Цит. по: Классик без ретуши ... , 2000, с. 126].

И Федор Годунов-Чердынцев в «Даре» ищет своего погибшего отца, изо всех сил пробивается к нему и наконец встречается с ним на территории сновидения. Адам Круг, герой романа «Под знаком незаконнорожденных» (Bend Sinister, 1947), потерявший жену и сына, тоже общается с ними во сне. Ведет долгий косноязычный разговор с умершей женой художник Синеусов в «Ultima Thule» (1942); он хочет попасть в вечность, чтобы там с ней соединиться. Джон Шейд, автор поэмы «Бледный огонь» из одноименного романа (1962), верит, что обязательно *где-то там* воссоединится с погибшей дочерью.

В «Соглядатае» (1930) и того интереснее: герой кончает жизнь самоубийством, но возвращается в жизнь ее соглядатаем, наблюдателем. И в конце концов обнаруживает там себя самого, но уже в виде наблюдаемого объекта. «Я видел себя со стороны тихо идущим по панели, — я умилялся и робел, как еще неопытный дух, глядящий на жизнь чем-то знакомого ему человека» [Набоков (В. Сиринъ), 2002–2009, т. 3, с. 55].

Правда, иногда Набоков решает вопрос о посмертном существовании совсем по-другому. Так, тот же Пьер Делаланд (в «Даре») обстоятельно разъясняет, что будет после распада тела: «<...> это — освобождение духа из глазниц плоти и превращение наше в одно свободное сплошное око, зараз видящее все стороны света, или, иначе говоря: сверхчувственное прозрение мира при нашем внутреннем участии» [Набоков (В. Сиринъ), 2002–2009, т. 4, с. 484].

Мысль эта доведена до наглядного предела в стихотворении Набокова «Око» (1939), пугающем:

К одному исполинскому оку
без лица, без чела и без век,
без телесного марева сбоку
наконец-то сведен человек.

и безнадежном:

Дело в том, что исчезла граница
между вечностью и веществом —
и на что неземная зеница,
если вензеля нет ни на чем?

[Набоков, 2002, с. 226]

Граница между вечностью и нашим миром (веществом) размыкается не только на территории сновидения, но и на территории искусства (территории

эти, впрочем, соприкасаются). Так, в эссе памяти Владислава Ходасевича (1939) Набоков пишет: «... добытчик ушел туда, откуда, быть может, кое-что долетает до слуха больших поэтов, пронзая наше бытие потусторонней свежестью — и придавая искусству как раз то таинственное, что составляет его невыделимый признак» [Набоков (В. Сиринь), 2002–2009, т. 5, с. 590].

Стоит особо отметить необычную бодрость набоковских определений *того мира*: «*потусторонняя свежесть*», «*наша общая свежая вечность*», «*сквозняк из другого измерения*»...

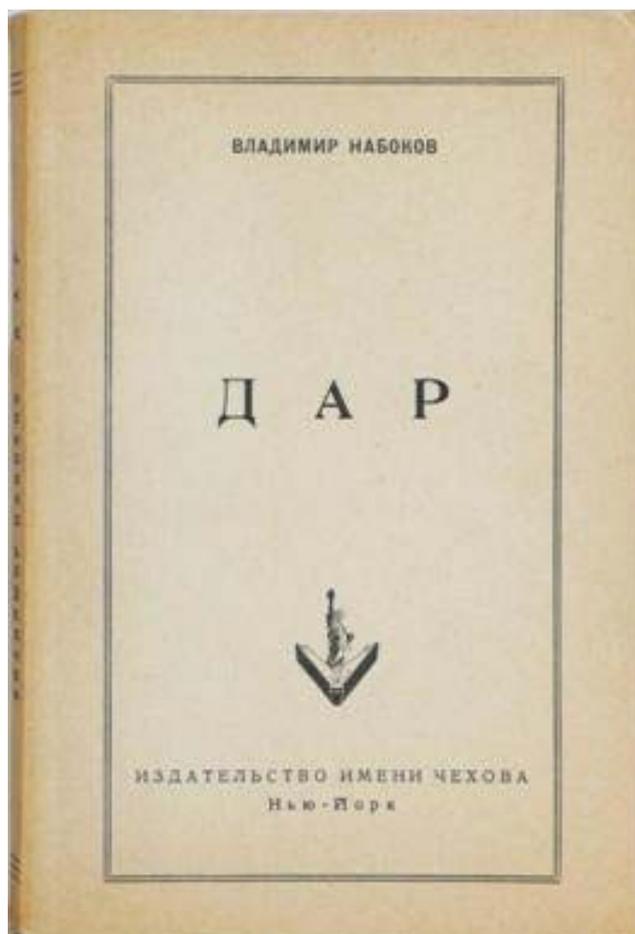
Да, смерть не страшна — это просто переход из одного бытия в другое, как рождение, только в обратном порядке. Набоков объявляет, что рождение и смерть, с точки зрения вечности, одно и то же. И вот уже Федор Годунов-Чердынцев (в «Даре») называет, ерничая, рождение «обратным умиранием», смерть же — «положительной кончиной». И ставит «жизнь <...> вверх ногами, так что рождение <...> делается смертью» [Набоков (В. Сиринь), 2002–2009, т. 4,

с. 198]. Чернышевский в «Жизнеописании» сначала умирает, а потом Федор приводит запись о его рождении.

В первых же строках книги «Николай Гоголь» (1944) уже сам Набоков говорит, что ее герой — «умер в Москве, в четверг, около восьми часов утра, 4 марта 1852 г.». [Набоков, 2004–2008, т. 1, с. 403]. А вот дата рождения Гоголя называется лишь в самом конце книги: «Гоголь родился 1 апреля 1809 года» [там же, с. 511].

О дате своего рождения в автобиографических «Других берегах» Набоков говорит только в главе восьмой: «Я родился 10-го апреля 1899-го года по старому стилю в Петербурге...», — и это при том, что все сочинение состоит из 14 глав [Набоков (В. Сиринь), 2002–2009, т. 5 с. 244].

Рядом со смертью и с близким ей безумием находится (философская) истина — некое *потустороннее чувство*, «которое знают, быть может,



Обложка первого полного издания романа «Дар». Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1952

The cover of the first full edition of the novel "The Gift". New York: Chekhov Publishing House, 1952

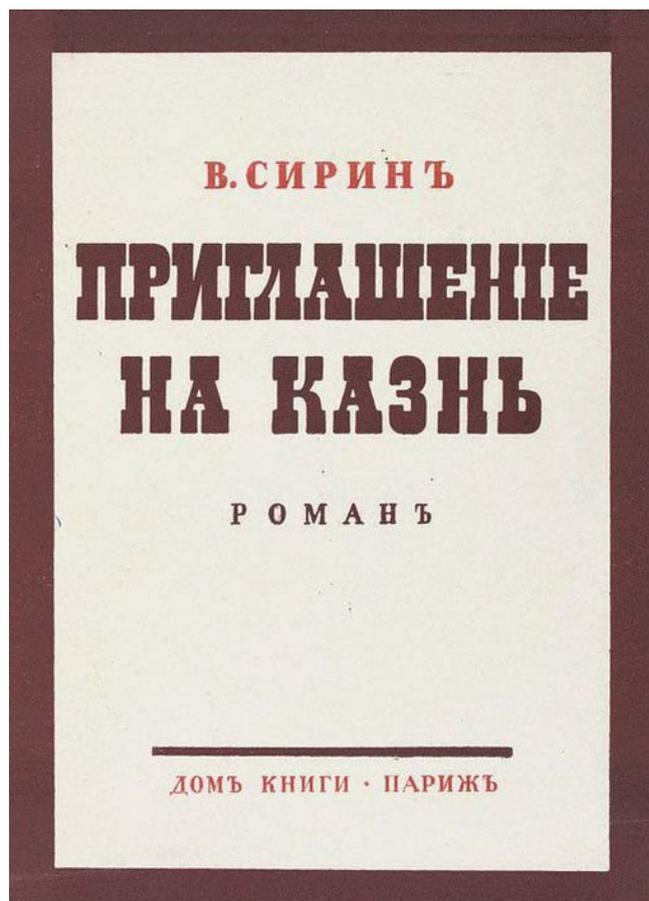
те, кто только что умер, или те, кто сошел с ума, разгадав смысл существующего», как сказано в романе «Король, дама, валет» (1928) [там же, т. 3, с. 261]. Спустя 44 года, в «Прозрачных вещах» (1972), в подтверждение этому смерть и безумие сходятся в образе смертельно больного и при этом сумасшедшего философа, он рассуждает о посмертном решении загадки Бытия.

Погружается в трансцендентное безумие Адам Крут («Под знаком незаконнорожденных») — именно тогда, когда ему вот-вот должна открыться тайна бесконечного сознания. Овладевший загадкой мира Фальтер («Ultima Thule») расплачивается за свое знание утратой способности любить и сострадать, выпадением из времени и сумасшествием.

То так, то эдак связывает философскую истину с безумием Ван Вин («Ада, или Радости страсти»). Еще в юные годы он сочинил философско-психологическое эссе о Безумии и Вечной Жизни. Позже, добывая эту истину, проводит изыскания в сумасшедших домах. Да и сам, надо признать, не вполне нормален.

Писатель Вадим Вадимович (из последнего завершеного романа Набокова «Смотри на арлекинов!», 1974) знал приступы безумия еще ребенком, а теперь к этому добавилась деменция. Безумие является к нему как «некая вкрадчивая, неумолимая связь с иными состояниями бытия, <...> определенно запредельными» [Набоков, 2004–2008, т. 5, с. 104]. И вот, оказавшись почти за гранью — за пределами! — не только нормальности, но и самой жизни, он восторженно приветствует то, что принимает за Реальность.

Набоков будто повторяет вслед за Свидригайловым, который, в свою очередь, цитирует чью-то статью: «<...> чем больше болен, тем и соприкосновенней с другим миром больше, так что когда умрет совсем человек, то прямо и перейдет в другой мир» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 221].



Обложка первого отдельного издания романа «Приглашение на казнь». Париж: Дом книги, 1938

The cover of the first separate edition of the novel "Invitation to Execution". Paris: House of Books, 1938

Но истину, которая открывается через смерть и безумие, человеку невозможно перенести, «бомба истины» может разорвать на клочки. Также истину невозможно назвать. Здесь будет кстати финальный тезис «Логико-философского трактата» Витгенштейна: «О чем нельзя говорить, о том должно умолкнуть» [Витгенштейн, 2005, с. 219]. И строки самого Набокова:

Эта тайна та-та, та-та-та-та, та-та,

А точнее сказать я не вправе.

(стихотворение «Слава», 1942)

[Набоков, 2002, с. 210]

* * *

Героями Набокова часто становятся философы, еще чаще — философствующие. В числе философов надо, прежде всего, назвать «печального, сумасбродного, мудрого, остроумного, волшебного и во всех отношениях восхитительного Пьера Делаланда», которого писатель выдумал [Набоков, 1997, с. 47] (позаимствовав имя у известного французского натуралиста).

Делаланд — автор знаменитого эпиграфа к «Приглашению на казнь»: «Comme un fou se croit Dieu, nous nous croyons mortels» («Как безумец полагает, что он Бог, так мы полагаем, что мы смертны»). А также других рассуждений о тенях и смерти — тема эта его, как и Блеза Паскаля, очень занимает.

В «Даре» Пьер Делаланд оказывается своего рода авторитетом в метафизических вопросах. Федор Годунов-Чердынцев берется переводить с французского его труд «Discours sur les ombres» («Рассуждения о тенях») и с удовольствием на него ссылается: «Когда однажды французского мыслителя Delalande на чьих-то похоронах спросили, почему он не обнажает головы, он отвечал: “Я жду, чтобы смерть начала первая” (qu’elle se découvre la première). В этом есть метафизическая негалантность, но смерть большего не стоит» [Набоков (В. Сиринъ), 2002–2009, т. 4, с. 484].

Но главный философ в «Даре» — Николай Чернышевский, представленный здесь, вопреки распространенному мнению, с большой приязнью. Он доверчив, добросердечен, лишен практичности, часто бестолков и нелеп, тем и симпатичен подобно такому же чудаку профессору Пнину (из одноименного романа, 1957), которого Набоков очень любил.

Работая над «Жизнеописанием Чернышевского» (глава IV «Дара», которую отказались публиковать в «Современных записках»), Федор Годунов-Чердынцев не устает повторять о симпатии к своему герою:

<...> такие люди, как Чернышевский, при всех их смешных и страшных промахах, были, как ни верти, действительными героями в своей борьбе с государственным порядком вещей, еще более тлетворным и пошлым, чем их литературно-критические домыслы, и что либералы или славянофилы, рисковавшие меньшим, стоили тем самым меньше этих железных забияк.

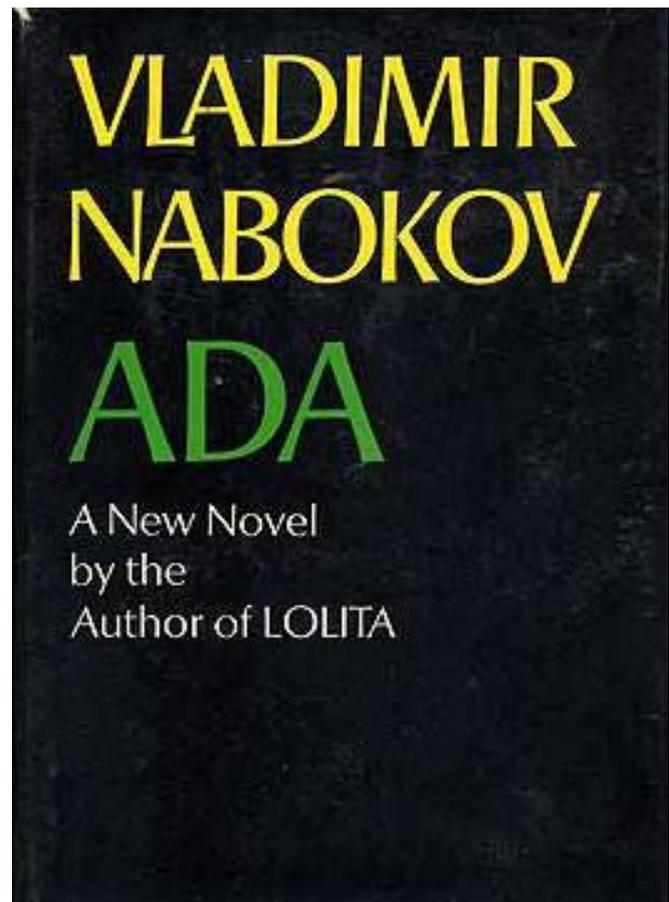
[Там же, с. 383]

Сравнение Чернышевского с Христом (которое так нравилось его друзьям и биографам, особенно левым) Федора смешит, однако сам он азартно ищет «евангельские вехи» в его жизни. И находит.

Но философию своего героя Федор берет в иронические кавычки: «“Философия” Чернышевского поднимается через Фейербаха к энциклопедистам») [там же, с. 422]. И последовательно разбивает его идеи — диалектику Гегеля, освоенную через «простака Фейербаха»; «материализм», тоже в кавычках, ввиду полного незнания «материалистами» материального мира («Чернышевский не отличал плуга от сохи; путал пиво с мадерой; не мог назвать ни одного лесного цветка, кроме дикой розы; но характерно, что это незнание ботаники сразу восполнял “общей мыслью”») [там же, с. 421–422].

Утопический социализм Чернышевского Федор разбирает по косточкам. Его особенно смешит описание общинной любви, которая, по чистоте и неискренности автора, вышла натуральным борделем. Ну и, конечно, — наивная эстетика Чернышевского, утверждающая, что «живая действительность» прекраснее любого искусства.

Заодно достается Ленину, Плеханову и Марксу, чье «Святое семейство» Федор переводит стихами, «чтобы не было так скучно»:



Обложка первого издания романа “Ada or Ardor: A Family Chronicle”. N.Y.: McGraw, 1969

The cover of the first edition of the novel “Ada or Ardor: A Family Chronicle”. N.Y.: McGraw, 1969

...ума большого
 не надобно, чтобы заметить связь
 между учением материализма
 о прирожденной склонности к добру,
 о равенстве способностей людских,
 способностей, которые обычно
 зовутся умственными, о влиянье
 на человека обстоятельств внешних,
 о всемогущем опыте, о власти
 привычки, воспитания, о высоком
 значении промышленности всей,
 о праве нравственном на наслажденье —
 и коммунизмом.

[Там же, с. 422–423]

В романе «Под знаком незаконнорожденных» действуют два философа: старый иконоборец, революционер Фрадрик Скотома, он, как и Чернышевский, «человек трогательной судьбы», и 40-летний Адам Круг, мировая знаменитость с говорящей (правда, только для русского слуха, а роман англоязычный) фамилией («истина всегда круглая», — замечает критик Страннолюбский в «Даре») [там же, с. 422].

Скотома, уже пребывая в старческом маразме, придумал теорию эквилизма. Позаимствовав у Гегеля представление о мировом сознании, он смешал его с мыслью Маркса «о равенстве способностей людских». И добавил кое-что из идей прекраснородушного князя-анархиста Петра Кропоткина, утверждавшего: «Равенство — это справедливость <...> Равенство во всем — синоним справедливости» [Кропоткин, 1991, с. 301]. На Кропоткина, кстати, Скотома похож и внешне, и судьбой.

Согласно эквилизму, всякий мог стать умным, красивым, талантливым посредством перераспределения мирового сознания в равных долях. Основываясь на этой идее, будущий диктатор Падук учреждает Партию Среднего Человека. Таким образом, идея, абстрактно гуманная и туманная (о том, как ее реализовать, Скотома не думает), *попадает на улицу* (если воспользоваться выражением Достоевского) и — превращается в тоталитарный кошмар. Независимый и свободолюбивый Адам Круг служить этому кошмару (режиму) отказывается. Особенно его возмущает, что омерзительный Падук присваивает себе идеи Платона о государстве философов. (Про себя Набоков говорил: «<...> я не особенный поклонник Платона, и вряд ли смог бы долго просуществовать

при его германообразном военно-музыкальном режиме» [Набоков, 1973, с. 45].)

Что такое *кругизм*, сказать трудно. Да и сам Адам Круг понимает, что «никто, в сущности, не смог бы определить, каковы отличительные черты его философии». Более всего его разум пригоден для «творческого разрушения» [Набоков, 2004–2008, т. 1, с. 342–343].

По крайней мере, понятно, что Кругу претит вульгарно-материалистическая вера в то, что всё исчислимо: «Подите вы прочь с вашими линейками и весами! Ибо без ваших правил, в неназначенном состязании, вне бумажной гонки науки босоногая Материя *перегоняет* Свет» [там же, с. 342].

В эссе «Искусство литературы и здравый смысл» (1942) Набоков восхищается «изумительно абсурдным миром души», в котором «математическим символам нет раздолья», «два и два уже не равняются четырем, потому что равняться четырем они уже не обязаны» [Набоков, 1998, с. 468–469]. И, конечно, здесь опять вспоминается Достоевский, речи его «подпольного человека»: «Я согласен, что дважды два четыре — превосходная вещь; но если уже всё хвалить, то и дважды два пять — премилая иногда вещица» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 119].

Старый Скотома у Набокова наивен до глупости, но трогателен; Падук, воплощающий его идеи в жизнь, — омерзителен. С Адамом Кругом всё сложнее: с одной стороны, он вызывает уважение и сочувствие; с другой, — его склонность к третированию (в школьные годы) слабых и некрасивых малосимпатична.

Еще один философ Набокова — Ван Вин, герой-рассказчик романа «Ада, или Радости страсти: Семейная хроника» (1969). В 35 лет он становится заведующим кафедрой философии. В 52 года начинает сочинять — под влиянием Бергсона, Блаженного Августина, Беркли и (всё-таки) Канта — трактат «Ткань времени». Примечательно, что положения этого трактата возникают в сознании Вана, когда он едет на машине и происходит *наглядное* сопряжение Времени и Пространства в едином Хронотопе, то, что Бергсон называл *одновременностью*. Так ткется ткань времени, но Ван отказывается в это верить: «“Пространство-Время” — это гиблый гибрид, в котором дефис, и тот смотрит мошенником. Можно ненавидеть Пространство и нежно любить Время» [Набоков, 2004–2008, т. 4, с. 519].

Время для него — «память в процессе формирования», а память — «становой хребет сознания» (то есть «длительность», или «время сознания», создаваемое событиями, по Бергсону). Реальный мир — яркие события, вспыхивающие в памяти. Из прошлого можно выбирать всё что угодно; Настоящее — процесс выстраивания Прошлого; Будущего не существует.

Физиологически ощущение Времени есть ощущение неизменного становления, и если бы «становление» обладало голосом, он мог бы звучать, что лишь естественно, подобием упорной вибрации; но Лога ради, давайте не будем смешивать Время со звоном в ухе, а раковинное гудение длительности — с толчками собственной крови. С другой стороны, философски Время есть только память в процессе ее творения. В каждой отдельной жизни от колыбели до смертного одра идет формирование и укрепление этого станового столба сознания, этого времени сильных.

[Там же, с. 537]

Писатель как-то заметил: «Я пока не решил — согласен я или нет с его [Вана Вина] взглядами на ткань времени. Думаю, что нет» [Набоков, 1973, с. 85].

Ван настойчиво отвергает Будущее, может быть потому, что не хочет признавать свою конечность: «Кто вам сказал, что я умру?» [Набоков, 2004–2008, т. 4, с. 511]. Будущее для него *безликое, пустое, черное*. С ним бы согласился Адам Круг. Но не согласился бы ни Гумберт Гумберт, писавший о «постоянном взаимоотношении между двумя пунктами: будущим (которое можно складировать) и прошлым (уже отправленным на склад)» [там же, т. 2 с. 119], ни сам Набоков, хотя бы как автор стихотворения «Неродившемуся читателю» (1930).

Уже немощной рукой Ван вносит последнее уточнение: «Наслаждение Адой являет собой сложнейшую систему тех тонких мостков, по которым чувства, — смеясь, обнимаясь, бросая в воздух цветы, — проходят от мездры к мозгу, систему, которая всегда была и навеки останется формой памяти, даже в самый миг восприятия» [там же, т. 4, с. 213]. Ввиду того, что он стал к этому моменту полным импотентом, можно заключить, что и с памятью у него серьезные проблемы. А стало быть, для него не существует и прошлого. Остается только Чистое (Абсолютное) Время, без узоров событий, но познать его нельзя. И в этом Ван Вин с Бергсоном расходится напрочь!

«Семейная хроника», которую Ван пишет, то есть собственно роман «Ада», наглядно иллюстрирует бег времени (главы становятся всё короче). А сам по себе он хоть и негодяй, и развратник, но очаровательный и обаятельный.

Предаются философствованию и другие персонажи Набокова. Так, умная Ада, сестра и любовница Вана Вина, строит свою маленькую философскую концепцию, согласно которой жизнь состоит из редких *настоящих явлений*, обыденных *явлений* и неприятных *явлений-призраков*, — уточняя и развивая таким образом теорию брата. Ее младшая сестренка Люсетт, может, и не такая умная, но и она неплохо ориентируется в философии. Она сразу понимает, что

слово 'durée' имеет отношение к длительности Бергсона. И меланхолично комментирует: «Бергсон годится только для очень молодых или очень несчастных людей <...>» [там же, с. 363].

Еще раньше, в «Лолите» (1955; 1967), «литературовед» Гумберт Гумберт придумывал (как бы предваряя «Трактат о времени» Вана Вина) теорию «перцепционного времени», основанную на «чувстве кровообращения» и концепционально зависящую (очень кратко говоря) от особых свойств нашего разума <...>» [там же, т. 2, с. 319].

В романе «Смотри на арлекинов!» (1974) склонный к философствованию писатель Вадим Вадимович мучается неспособностью мысленно поменять местами левую и правую стороны, потому что он путает обратимое пространство с необратимым временем. Что не мешает ему работать над трактатом «О сущности пространства», хотя на самом деле он пишет в нем о сущности времени, во много повторяя тезисы Вана Вина.

Можно вспомнить и о несчастном Яше Чернышевском, покончившем (в «Даре») жизнь самоубийством, он учился на философском факультете. И о влюбленных подростках на ривьерском пляже, фавнёнке Гумберте и нимфетке Аннабелле, которые рассуждали о «множественности населенных миров, теннисных состязаниях, бесконечности, солипсизме и тому подобных вещах» [там же, с. 21].

* * *

И наконец, последнее и, может быть, главное. Философия для Набокова — веселая наука (он вообще был веселым человеком, homo ludens). С философскими категориями он обращается с антропоморфной фамильярностью — *босоногая Материя, феномен в кудряшках, лысый ноумен...*

И не случайно Джон Рэй-младший, придурковатый автор предисловия к «Лолите», у него — д-р философии (хотя эта степень может присуждаться и по другим наукам).

На территории философии у Набокова самое страшное, трагическое может соседствовать со смешным или оборачивается смешным. Так, Фальтер, узревший истину, убивший истиной человека и сам сошедший с ума, дает сеансы, во время которых его можно пытаться об этой истине, *всего за сто франков*. Или два сеанса подряд — *за полтора ста*. Дурачась, он отвечает на вопросы то в форме дзен-буддистского коана: « — Допустим, что теология засоряет вопрос. Так, Фальтер? — Барыня прислала сто рублей, — сказал Фальтер». То как в детской игре: « — <...> существует ли Бог? — Холодно» [Набоков (В. Сиринъ), 2002–2009, т. 5, с. 133, 134].

В комически-дурашливом виде иногда предстает у Набокова и связь с иным миром. Так, в «Соглядатае» книготорговец Вайншток во время спиритического сеанса оказывается в смешном положении:

Вайншток. Дух, кто ты?

Ответ: Иван Сергеевич.

Вайншток. Какой Иван Сергеевич?

Ответ: Тургенев.

Вайншток. Продолжаешь ли ты творить?

Ответ: Дурак <...>.

[Там же, т. 3, с. 62–63]

В состоянии «смешливого сумасшествия» в основном пребывает Адам Круг — вопреки трагическим обстоятельствам (смерть жены и сына, угрозы, аресты друзей).

Можно вспомнить и о хулиганском, построенном на созвучии «Kant — Cunt» обыгрывании в «Аде» имени философа и его известного постулата о «философском глазе», здесь это некая дыра *«размером с Кантово око»* (a keyless hole as big as Kant's eye) [Набоков, 2004–2008, т. 4, с. 359]. «Пространство — толчея в глазах, а Время — гудение в ушах», — ерничает персонаж «Ады», цитируя персонажа «Бледного огня» [там же, с. 519].

А вот развязно-веселое описание состояния умов в России времени Чернышевского: «В те годы Андрея Ивановича Фейербаха предпочли Егору Федоровичу Гегелю. Номо feuerbachі есть мыслящая мышца. Андрей Иванович находил, что человек отличается от обезьяны только своей точкой зрения; вряд ли, однако, он изучил обезьян» [Набоков (В. Сиринь), 2002–2009, т. 4, с. 421]. Сюда же саркастическое уподобление высказывания Ленина торговому объявлению: «мы теперь превращаем кантовскую непознаваемую вещь в себе в вещь для себя посредством органической химии» [там же].

Именно в силу веселого нрава писателя появился на свет и роман «Лолита» — грандиозная издевательская пародия на Фрейда. Ведь отправной точкой истории Гумберта Гумберта стала *детская травма*, несбывшаяся — в 13 лет — любовь к девочке Аннабелле Ли, из-за чего будто бы и возникла его патология.

Кстати, последний роман Набокова, им недописанный, должен был называться «Умирать смешно» (“Dying Is Fun”)⁵.

⁵ Роман увидел свет под названием «Лаура и ее оригинал» (“The Original of Laura”) в 2009 году, через 30 с лишним лет после смерти писателя и вопреки его завещанию.

Закончим цитатой (из «Под знаком незаконнорожденных»), которая лиш- ний раз подтверждает, что философские темы/мотивы/изыскания Набокова не следует понимать слишком буквально, слишком всерьез: «Бледное звездное небо бескрайней философии легло перед ним, но он решил, что неплохо бы выпить» [Набоков, 2004–2008, т. 1, с. 359].

Список источников

- Адамович Г.* Перечитывая «Отчаяние» // Последние новости. 1936, 5 марта.
- Александров В. Е.* Набоков и потусторонность: метафизика, этика, эстетика / пер. с англ. Н. А. Анастасьева под ред. Б. В. Аверина и Т. Ю. Смирновой. СПб.: Алетейя, 1999. 312 с.
- Артамонова А. С.* Л. Шестов и В. Набоков: возможные сближения (роман «Лолита») // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 9: Язык и литература. 2007. Вып. 2. С. 3–11.
- Бойд Б.* Владимир Набоков: Русские годы. Биография. СПб.: Симпозиум, 2010. 696 с.
- Витгенштейн Л.* Tractatus logico-philosophicus // *Витгенштейн Л.* Избран- ные работы / пер. с нем. и англ. В. Руднева. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. С. 11–222.
- Давыдов С.* Гностическая исповедь в романе «Приглашение на казнь» // *Давыдов С.* «Тексты-матрешки» Владимира Набокова. München: Sagner, 1982. С. 100–102.
- Джонсон Д. Б.* Миры и антимирy Владимира Набокова. СПб.: Symposium, 2011. 347 с.
- Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972–1990. 30 т.
- Кантор В. К.* Изображая, понимать, или Sententia sensa: философия в лите- ратурном тексте. М.; СПб.: ЦГИ Принт, 2017. 825 с.
- Классик без ретуши: Лит. мир о творчестве Владимира Набокова / предисл. Н. Г. Мельникова. М.: Новое лит. обозрение, 2000. 681 с.
- Кропоткин П. А.* Нравственные начала анархизма // *Кропоткин П. А.* Этика. Избранные труды. М.: Политиздат, 1991. С. 280–316.
- Ливри А.* Набоков-ницшеанец. СПб.: Алетейя, 2005. 235 с.
- Ляпушкина Е. И.* «...о том следует молчать» («Ultima Thule» Набокова и фи- лософия молчания) // Вестн. СПбГУ. Сер. 9: Филология. Востоковедение. Журна- листика. 2016. Вып. 3. С. 83–91.
- Набоков В.* Второе добавление к «Дару» / публ. и коммент. А. Долинина; пер. Г. В. Лапиной // Звезда. 2001. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2001/1/nabokov.html> (дата обращения: 25.01.2022).

Набоков В. В. (В. Сиринъ) Собрание сочинений русского периода: в 5 т. СПб.: «Симпозиум», 2002–2009. 5 т.

Набоков В. В. Искусство литературы и здравый смысл // Набоков В. В. Лекции по зарубежной литературе. М.: Изд-во Независимая газета, 1998. С. 465–477.

Набоков В. В. Собрание сочинений американского периода: в 5 т. СПб.: «Симпозиум», 2004–2008. 5 т.

Набоков В. В. Стихотворения. СПб.: Академический проект, 2002. 674 с.

Набоков В. В. Строгие суждения. М.: Колибри, 2018. 416 с.

Набоков В. В. Pro et contra. Личность и творчество Владимира Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология. СПб.: Российский Христианский гуманитарный институт, 1997. 974 с.

Паскаль Б. Мысли / пер. с фр., вступ. статья, коммент. Ю. А. Гинзбург. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1995. 480 с.

Соловьев В. С. Стихотворения и шуточные пьесы. Л.: Советский писатель, 1974. 352 с. (Библиотека поэта).

Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1940. Т. 12. 432 с.

Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и письма: в 6 т. М.: Классика, 2002–2005. 6 т.

Foster Ludmila. Nabokov's Gnostic Turpitude: The Surrealistic Vision of Reality in "Priglasenie na kazn'" // *Mnemosina: Studia literaria russica in honorem Vsevolod Setchkarev* / ed. by Joachim T. Baer and Norman W. Ingham. München: Fink, 1974. P. 117–129.

Rodgers Michael. Nabokov and Nietzsche. Problems and Perspectives. N. Y.: Bloomsbury Academic, 2018. 192 p.

References

Adamovich, G. (1936) 'Perechityvaya «Otchayanie»' ['Reading "Despair"'], *Poslednie Novosti* [Latest News], 5 Mar.

Aleksandrov, V.E. (1999) *Nabokov i potustoronnost': metafizika, etika, estetika* [Nabokov and the Otherworld: Metaphysics, Ethics, Aesthetics]. Translated from the English by N.A. Anastas'eva, edited by B.V. Averin and T.Yu. Smirnova. St. Petersburg: Aleteiya.

Artamonova, A.S. (2007) 'L. Shestov i V. Nabokov: vozmozhnye sbližheniya (roman «Lolita»)»' ['L. Shestov and V. Nabokov: Possible Rapprochements (The Novel "Lolita")'], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9: Yazyk i literatura*, 2, pp. 3–11.

Boid, B. (2010) *Vladimir Nabokov: Russkie gody. Biografiya* [*Vladimir Nabokov: The Russian Years. Biography*]. St. Petersburg: Simpozium.

Vitgenshtein, L. (2005) 'Tractatus logico-philosophicus', in Vitgenshtein, L. *Izbrannye raboty* [*Selected Works*]. Translated from the German and the English by V. Rudnev. Moscow: Izdatel'skii dom «Territoriya budushchego», pp. 11–222.

Davydov, S. (1982) 'Gnosticheskaya ispoved' v romane «Priglasenie na kazn'» ['Gnostic Confession in the Novel "Invitation to Execution"'], in Davydov, S. «*Teksty-matreshki*» Vladimira Nabokova [*"Matryoshka Texts" by Vladimir Nabokov*]. Miinchen: Sagner, pp. 100–102.

Dzhonson, D.B. (2011) *Miry i antimiry Vladimira Nabokova* [*Worlds and Anti-Worlds by Vladimir Nabokov*]. St. Petersburg: Symposium.

Dostoevskii, F.M. (1972–1990) *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Collected Works: in 30 vols*] (30 vols). Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie.

Kantor, V.K. (2017) *Izobrazhaya, ponimat', ili Sententia sensa: filosofiya v literaturnom tekste* [*Portraying, Understanding, or Sententia sensa: Philosophy in the Literary Text*]. Moscow; St. Petersburg: TsGI Print.

Klassik bez retushi: Literaturnyi mir o tvorchestve Vladimira Nabokova [*A Classic Without Retouching: The Literary World about the Work of Vladimir Nabokov*] (2000) Preface by N.G. Mel'nikov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Kropotkin, P.A. (1991) 'Nravstvennye nachala anarkhizma' ['Moral Principles of Anarchism'], in Kropotkin, P.A. *Etika. Izbrannye trudy* [*Ethics. Selected Works*]. Moscow: Politizdat, pp. 280–316.

Livri, A. (2005) *Nabokov-nitssheanets* [*Nabokov is a Nietzschean*]. St. Petersburg: Aleteiya.

Lyapushkina, E.I. (2016) '«...o tom sleduet molchat'» («Ultima Thule» Nabokova i filosofiya molchaniya)' [“... about that one should be silent” (“Ultima Thule” by Nabokov and the Philosophy of Silence)], *Vestnik SPbGU. Seriya 9: Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika*, 3, pp. 83–91.

Nabokov, V. (2001) 'Vtoroe dobavlenie k «Daru»' ['The Second Addition to the "Gift"']. Publ. and comments by A. Dolinin; translated by G.V. Lapina, *Zvezda*, 1. Available at: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2001/1/nabokov.html> (Accessed: 25 Jan 2022).

Nabokov, V.V. (Sirin", V.) (2002–2009) *Sobranie sochinenii russkogo perioda: v 5 tomakh* [*Collected Works of the Russian Period: in 5 vols*] (5 vols). St. Petersburg: "Simpozium".

Nabokov, V.V. (1998) 'Iskusstvo literatury i zdravyi smysl' ['The Art of Literature and Common Sense'], in Nabokov, V.V. *Lektsii po zarubezhnoi literature* [*Lectures on Foreign Literature*]. Moscow: Izd-vo Nezavisimaya gazeta, pp. 465–477.

Nabokov, V.V. (2004–2008) *Sobranie sochinenii amerikanskogo perioda: v 5 tomakh* [Collected Works of the American Period: in 5 vols] (5 vols). St. Petersburg: “Simpozium”.

Nabokov, V.V. (2002) *Stikhotvoreniya* [Poems]. St. Petersburg: Akademicheskii proekt.

Nabokov, V.V. (2018) *Strogie suzhdeniya* [Strong Opinions]. Moscow: KoLibri.

Nabokov, V.V. (1997) *Pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Vladimira Nabokova v otsenke russkikh i zarubezhnykh myslitelei i issledovatelei. Antologiya* [Pro et Contra. The Personality and Creativity of Vladimir Nabokov in the Assessment of Russian and Foreign Thinkers and Researchers. Anthology]. St. Petersburg: Rossiiskii Khristianskii gumanitarnyi institut.

Paskal', B. (1995) *Mysli* [Thoughts]. Translated from the French, introduction article, comments by Yu.A. Ginzburg. Moscow: Izd-vo imeni Sabashnikovykh.

Solov'ev, V.S. (1974) *Stikhotvoreniya i shutochnye p'esy* [Poems and Comic Plays]. Leningrad: Sovetskii pisatel'. (Biblioteka poeta).

Tolstoi, L.N. (1940) *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 tomakh. Tom 12* [Complete Works: in 90 vols. Vol. 40]. Ed. by V.G. Chertkov. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury.

Tyutchev, F.I. (2002–2005) *Polnoe sobranie sochinenii i pis'ma: v 6 tomakh* [Complete Works and Letters: in 6 vols] (6 vols). Moscow: Klassika.

Информация об авторе: В. Л. Шохина — преподаватель Высшей школы (факультета) телевидения Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Адрес: Российская Федерация, 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, 1-й Гуманитарный корпус.

Information about the author: V. L. Shokhina — Lecturer at the High School (faculty) of Television, Lomonosov Moscow State University. Address: 1 Humanities Building 1/51 Leninskie Gory, GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.02.2022;
одобрена после рецензирования 08.05.2022;
принята к публикации 09.06.2022.

The article was submitted 07.02.2022;
approved after reviewing 08.05.2022;
accepted for publication 09.06.2022.